

Н. А. БЕРДЯЕВ

Хомяков и свящ. Флоренский

...Вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, которым взываем: Авва, отче! сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии.

Ап. Павел. Послание к римлянам

I

Статья свящ. П. Флоренского о Хомякове (в «Богословском вестнике» за июль—август 1916 г.), написанная в форме рецензии на огромное исследование проф. В. Завитневича, — не только крупное событие, но и настоящий скандал в православном славянофильствующем лагере. Учитель Церкви неославянофилов, глава и вдохновитель московского кружка возрожденцев православия совершил акт отречения от учителя Церкви старых славянофилов — Хомякова. Свящ. Флоренский не только отрекся от Хомякова, но и признал идеи его опасными по своим последствиям для православной Церкви, провозгласил его имманентистом немецкого типа. В православных кругах Хомякова до сих пор считали величайшим и даже единственным православным богословом. Свящ. Флоренский объявляет его богословом неправославным, обвиняет его в протестантском уклоне. По мнению свящ. П. Флоренского, Хомяков рискует «вырвать из почвы и пшеницу православия, хотя бы, например, своим отрицанием авторитета в Церкви, якобы не имеющегося в православии, а вместе с ним, следовательно, и начала страха, начала власти и обязательности канонического строя» (с. 528). Ясно, что свящ. П. Флоренский хотел бы положить предел безбрежной свободе в православии, которую уловил и выразил Хомяков. Хомяков при-

давал очень большое значение в жизни Церкви человеку, человеческой свободе, взаимной человеческой любви. В этом видит свящ. Флоренский всего более страшший его уклон к имманентизму. И вот вопрошает он о Хомякове: «Основал ли он новую школу богословия, наконец воистину православного, а не католического и не протестантского, или же это учение его — утонченный рационализм, система чрезвычайно гибких и потому наиболее ядовитых формул, разъедающих основы церковности? И далее, в области государственной, был ли он верным слугою самодержавия, этой основы русского государства, желал ли он укрепить и возвеличить царский престол, или, наоборот, в нем должно видеть творца наиболее народной и потому наиболее опасной формы эгалитарности?» (с. 529). «Хомяковская мысль уклончиво бежит от онтологической определенности, переливаясь перламутровой игрой. Но эта игра поверхностных тонов, блестящих, но не субстанциальных и потому меняющихся и изменяющих свои очертания при малейшем повороте головы, не дает устойчивого содержания мысли и оставляет в сердце тревогу и вопрос. Имманентизм — таков привкус теорий Хомякова» (с. 536). «Свободное самоутверждение человека — бытие, имманентное человеку, проявляющееся в организации любви, — для него дороже всего» (с. 539). «Существо православия, по свящ. Флоренскому, есть онтологизм — *принятие реальности, от Бога* нам данной, а не человеком творимой, — смирение и благодарение».

Свящ. П. Флоренский ставит точки над *i*, и в этом заслуга его статьи. Он завершает собой известный процесс религиозной мысли, обращающейся в православие. Статья его очень ответственна для представителей современной православной мысли. Им предстоит сделать решительный выбор между свящ. П. Флоренским и Хомяковым, отдать решительное предпочтение одному из этих учителей Церкви, пойти направо или налево, к свободе или к принуждению. Путь свящ. Флоренского и путь Хомякова несовместимы. В нашем православном религиозно-философском движении произошло уже отречение от Вл. Соловьева, теперь происходит отречение от Хомякова. Но Вл. Соловьев и Хомяков — самые наши большие люди в области христианской мысли. Хомяков и Вл. Соловьев — предшественники грядущего русского религиозного возрождения. Для них христианство было религией свободы и религией любви. Хомяков истолковывал православие как религию свободы, пафосом любви к свободе дышит каждая строчка его богословских произведений. В бесконечной свободе духа видел он все своеобразие православия, его сердечную сущность. Ту же небывалую свободу духа, свободу во Хрис-

те утверждал и Достоевский в легенде о Великом Инквизиторе¹, этом потрясающем гимне религиозной свободе. И Хомяков и Достоевский хотели видеть в русском народе такую свободу духа, Христову свободу, которой они не находили у народов Западной Европы. Свящ. Флоренский разрывает не только с Хомяковым, но и с Достоевским, он принужден искать иные истоки в епископе Феофане Затворнике, в митрополите Филарете, в православии официальном; он и апостола Павла должен будет признать недостаточно православным. Он последовательно истолковывает христианство как религию необходимости, принуждения и покорности. Он не верен традициям великой русской литературы, он отвергается от ее религиозного содержания, от раскрывшейся в ней религиозной жажды. Он, именно он, — отщепенец, изменивший заветам русской религиозной души, ее духовным алканиям, ее взысканиям Града Грядущего.

II

Очень характерно отношение свящ. П. Флоренского к учению Хомякова об «иранстве» и «кушитстве». В «иранстве» видел Хомяков начало свободы творящего человеческого духа, в «кушитстве» же видел он начало необходимости, власти естества, низшего магизма. Эти две основные линии, свободы и необходимости, определили историю религии и весь склад культур. Для Хомякова православие как самое чистое выражение христианства целиком находится в линии «иранства», в нем торжествует дух «иранский», свобода творящего человеческого духа. Отец П. Флоренский пребывает в кушитской стихии, в необходимости и в православии видит торжество «кушитства». «Иранство» Хомякова он берет под подозрение как уклон к имманентизму и протестантизму. Православие и самодержавие отца Флоренского целиком погружены в кушитскую стихию, в магизм вещной необходимости. Но нужно признать, что к самому факту русского исторического православия и самодержавия построение отца Флоренского во многих отношениях стоит ближе, чем построение Хомякова. Философия истории Хомякова совершенно устарела, и живой остается лишь его религиозная настроенность. Отец П. Флоренский хочет последовательно и до конца смириться перед фактом и поклониться факту, он обоготворяет факт как изначально мистический. Он бежит от своей свободы к необходимости всякой фактической данности. В мировой борьбе свободы и необходимости он решительно становится на сторону необхо-

димости. И путь этот должен привести не к Христу, а к Великому Инквизитору. Путь, избранный отцом Флоренским, явствует из его вопрошаний Хомякову. «Чем был сам Хомяков? Охранителем ли и углубителем корней Святой Руси или, напротив, искоренителем исконных ее основ во имя мечтательного образа проектируемой России будущего? Смиренно ли воспринимал он святину русского народа, желая очистить ее от случайной грязи, налегшей на нее извне, или же с гордостью реформатора пытался предписать Руси нечто, им самим или ими самими — московским кружком славянофилов — придуманное? Ведь от себя указывать Церкви, какой ей быть, хотя бы по чистейшим своим побуждениям, — это значит не признавать Церкви, а признавать себя; предписывать Царю свои требования, хотя бы они сводились к требованиям самодержавия царского, — это значит отрицать самодержавие» (с. 529). Вот самая последовательная религия рабства и унижения человека. Но рабья покорность всегда ведет к рабьему бунту. Путь отца Флоренского очень опасен именно для консервативных церковных и государственных начал; он довел уже до величайших унижений русскую Церковь и русское государство, и благоприятен он лишь для революционно-отрицательных настроений. Когда закрываются пути творчества, пути обновления и возрождения, то торжествуют пути разрушения и отрицания. Требования рабьего преклонения перед фактической церковной действительностью, послушания данности ведут лишь к отпадению от Церкви, к неверию или дроблению религиозной энергии в многочисленных сектах. В Церкви можно и должно оставаться лишь в том случае, если в ней возможно движение, возможно творчество.

Хомяков утверждал идею православия и идею самодержавия, ко многому же в фактическом православии и фактическом самодержавии он относился отрицательно и критически, оставляя за собой право оценки и противления. Это значит, что он все время допускал возможность творческого перерождения церковной и государственной жизни. В дальнейшем славянофилы не шли по этому пути и потому пришли к омертвлению и разложению. Но в некоторых идеях и настроениях Хомякова заложены были иные возможности. Отец П. Флоренский хочет окончательно утвердиться на мистичности факта, данности и сложить с себя бремя ответственности за творческое движение в Церкви. Он хочет все получить извне, от других и другого, лишь за одно свое смирение и послушание. Для него мистична не свобода, а необходимость, принудительность, мистично не имманентное человеку, а трансцендентное ему. Отец Флоренский незаметно смешивает мисти-

ку с вещным магизмом, духовное подменяет душевно-телесным. От подлинной же мистики, которая всегда имманентна, далек и отец П. Флоренский, и Хомяков, хотя и по-разному.

III

Хомяков проповедовал православие как идею. Не без основания возражали ему, что в православии у него все оказывается хорошо, потому что он всегда имеет в виду идеальное православие, в католичестве же слишком много плохо, потому что он всегда имеет в виду фактическое католичество. У замечательного католического богослова Мелера² была идеальная концепция католической Церкви как свободного единства в любви, с которой очень была схожа хомяковская концепция Церкви*. Мелер и Хомяков одинаково раскрывали вечную сущность Вселенской Церкви. Но это не мешало Хомякову быть бытовым православным в самом непосредственном и простом смысле этого слова. Он всем существом своим чувствовал себя пребывающим не только в недрах православной Церкви, но и в ее бытовых оболочках. Свою идею православия он проповедовал изнутри, как динамику жизни в самом православии. Отец П. Флоренский представляет прямую противоположность Хомякову. Он проповедует православие как факт, как данность. Но в нем чувствуется не столько факт православия, сколько идея этого факта, очень сложная и совсем не непосредственная конструкция православия как факта, перед которым должно склониться. Отец П. Флоренский по истокам своим совсем не бытовой православный, не простой и не непосредственный православный, подобно Хомякову; он все обращается в православие, как во что-то для него трансцендентное и далекое. Отец П. Флоренский — стилизатор православия, эстетизирующий православный быт до мелочей. Все время чувствуется, что он *parvenu*³ в православии, и именно потому-то он и хочет быть православнее самого православия. Это производит столь же неприятное впечатление, как и усердие *parvenu* на высших бюрократических постах. Эстетство в реконструировании бытового православия всегда бывает очень антиэстетично. Такие построения, как у отца П. Флоренского, связаны с эстетико-мистическим любованием и смакованием, свойственным упадочности, в них чувствуется огромная усталость. К факту православия

* См. превосходную книгу Georges Goyau «Möhlér», в серии «La pensée chrétienne».

как непосредственной жизни был ближе Хомяков. Отец Флоренский же живет идеей факта, его вторичным, эстетическим отражением. Хомяков мог позволить себе утверждать идею православия, ставить задачи православию, потому что был творческим участником в жизни православия. Отец Флоренский же на творческое участие не способен. Факт он берет статически, а не динамически и любит его эстетически, как усталый упадочник. Он так же не способен был на творческую жизнь внутри Церкви, как не способен был на нее Гюисманс. Но он не обладает искренностью последнего и достаточно хорошим вкусом и потому сбивается на проповедничество. Он — человек реставрации, со всей усложненностью реставрационной мысли. Он отравлен ядами, порожденными сложными счетами с самим собой. И то, что порождается его бегством от самого себя, он делает предметом проповеди для других *. Он должен был бы остаться субъективным писателем, и переход к учительству есть его падение.

Отношение отца П. Флоренского к Церкви есть отношение раба, полного страхов и ужасов. Но этот рабский страх и есть величайшая отравляющая наша церковная жизнь. И ни в чем так не нуждается наша церковная жизнь, как в появлении людей высшего религиозного достоинства и высшей религиозной свободы. Холопство уже довело русскую Церковь до страшного унижения. Отец Флоренский хотел бы мистически оправдать и укрепить состояние ползучести. На всей концепции его лежит печать духовного плебейства. Религия Христа для него — религия послушания, а не религия любви. И духа Христова, интимного чувства Христа нельзя найти ни в одной его строчке. Он больше верит в антихриста и пугает им себя и других. Хомяков же был одним из самых благородных людей, каких только знала история русской мысли **. Он не был эстетом, но образ его эстетически прекрасен. В Хомякове очень развито было чувство человеческого достоинства, человеческой чести. Мысли Хомякова о православии в высшем смысле этого слова господские, а не рабские мысли. Как истинный, благородный и полный достоинства господин в царстве духа, он не мог унизиться до мистического оправдания пресмыкательства. В отце П. Флоренском нет никаких признаков чувства достоинства человека как господина, а не раба. Нет в нем и того особенного чувства достоинства священника, пастыря Цер-

* Все это очень чувствуется, когда читаешь его замечательную в своем роде книгу «Столп и утверждение Истины».

** См. характеристику личности Хомякова в моей монографии «А. С. Хомяков». М.: Путь, 1912.

кви, которое не может мириться с унижением Церкви. Он слишком занят самоспасением. Господин как духовная категория — не рабовладелец, а свободный, самоуправляющийся имманентист в отношении к своей святине, творец в религиозной жизни, иерархически зрелый. В отце Флоренском же чувствуются века гнета и покорности, приспособления к рабьему состоянию, страх перед собственными и чужими рабскими бунтами. Отец Флоренский открывает в Хомякове опасный уклон к имманентизму. Но это и есть в нем уклон к религиозной свободе, не до конца доведенный. Имманентизм, глубоко продуманный, и есть религия свободы и свободных. Трансцендентизм же есть религия необходимости. Великая духовная реформа, которая нужна России как спасение и в ее церковной, и в ее государственной жизни, и будет углубленным переходом к имманентизму, к радикальному сознанию творческого призвания и господского достоинства человека.

На почве настроений и идей, поддерживаемых отцом Флоренским, наша Церковь и государство дошли до унижений и гнилостных процессов в их видимых оболочках. «Онтологизм отца Флоренского, ныне модный в известных кругах, есть укрепление всякой статической данности и отрицание всяких творческих заданий, всякой динамики. Отец П. Флоренский летит по наклонной плоскости и договаривается вот до чего: «Русские цари самодержавны потому, полагает он (Хомяков), что таковою властью одарил их русский народ после Смутного времени. Следовательно, не народ — дети царя-отца, но отец-царь — от детей-народа. Следовательно, самодержец есть самодержец не “Божиею милостью”, а народною волею. Следовательно, не потому народ призвал Романовых на престол царский, что в час просветления узрел свершившееся определение воли Божией, почувал, что Михаил Федорович *уже* получил от Бога венец царский, а потому избрал, что так заблагорассудил наиудобнейшим для себя — даровать Михаилу Федоровичу власть над Русью, — одним словом, не сыскал своего царя, а сделал себе царя. И первый Романов не потому воссел на престоле, что Бог посадил его туда, а потому, что вступил в “договор с народом”. Следовательно, приходится заключить далее, что “сущие власти” не “от Бога учинены суть”, но от *contrat social*; не Божие изволение, а *suffrage universel* держит престол, по смыслу хомяковского учения» (с. 538). Отец П. Флоренский, вероятно, не сознает, как страшно ответственны эти мысли в тот исторический час, который переживает Россия. В нем слишком чувствуется эстетическое любование собственным «черносотенным» радикализмом, не удовлетворяющимся само-

державием славянофилов. Он — человек тепличный, внеобщественный и антиобщественный, и он более безответствен, чем это допустимо для священника. Мышление отца Флоренского, довольно утонченное и усложненное в своей сфере, в чуждой ему сфере общественной и государственной совершенно элементарно, примитивно и упрощенно. Он ничего не знает в этой области и ничего не испытал. И ему остается умышленно стремиться к примитивизму. Но в этом ядовитом, надуманном примитивизме есть что-то отвратительное. Слишком много ужаса и страдания связано с тем, чем в тиши эстетически забавляется отец Флоренский. Ясно, что ему не по пути с Хомяковым. Хомяков был, в сущности, либералом и демократом с народнической и антигосударственной окраской. Идею самодержавия он утверждал лишь в силу исторической обстановки. Положительный пафос его был связан со свободным обществом, основанным на любви. В наше время он был бы иным. Наше время обязывает к сложной общественной мысли. И никто не имеет права позволить себе такой примитивизм, как отец Флоренский, в этом нет настоящей серьезности.

IV

Православию предстоит решить вопрос об отношении к гуманизму, к человеку, к его творчеству, к его свободе, к его активности, к смыслу человеческой культуры. Перед решением этого вопроса православная Церковь ныне катастрофически поставлена. Вопрос этот по-иному стоит и перед католичеством. Вся грядущая жизнь христианской Церкви зависит от свободного раскрытия в ней человеческой стихии, человеческой активности. Гуманизм должен быть введен изнутри, имманентно в религиозное русло. Это — вопрос жизни или смерти и для церковного человечества, и для человечества внецерковного, так как одинаково разлагается и религиозный антигуманизм, и антирелигиозный гуманизм. Протестантизм не только не решил, но и не поставил этого вопроса, он — не антропологичен и не динамичен по своему религиозному принципу*. У Лютера был даже монофизитский уклон к отрицанию самостоятельности человеческой природы.

* Католики-модернисты основательно обвиняют протестантизм в отрицании всего исторического развития Церкви, т. е. видят в нем желание вернуться к первоначальной простоте. См.: *Loisy A. L'Evangile et l'Eglise.*

Вообще нужно признать, что германский имманентизм всегда имеет уклон к монофизитству, к поглощению человека и человеческого в божественном всеединстве. И великая религиозная реформа, которая должна совершиться, совсем не будет протестантской реформацией, она будет и более радикальной, более творческой, и более связанной с преданием Церкви, менее отрицательной. Германское монофизитство не есть единственная форма религиозной имманентности. Внутренний религиозный сдвиг потому уже не будет протестантским, что в нем откровение о человеке будет связано с откровением о космосе, т. е. христианство станет и более антропологичным, и более космичным.

Самое слабое место у Хомякова было в его отношении к космосу.

Возражения, которые делает отец П. Флоренский против учения Хомякова о таинствах, не отличаются оригинальностью: они целиком взяты из арсенала католического богословия. В Хомякове была ограниченность, на которую я указывал в своей книге о нем. Указывал я и на то, что в учении о таинствах у Хомякова был уклон к протестантизму, преобладание момента субъективно-духовного и морального над объективно-космическим*. Хомяков не был обращен к раскрытию тайн космической жизни и в этом не стоит на высоте современных задач религиозного познания. Но нужно сказать, что и в нашем традиционном православном быту, и в нашем традиционном православном богословии не очень открывались тайны христианства, тайны Божия творения,

* «Из страха католического магизма Хомяков впадает временами в протестантский морализм. Таинства приобретают у него более духовно-моральный, чем космический смысл. Религиозное сознание Хомякова раскрывает по преимуществу те стороны таинств, которые связаны с духовным возрождением, и для него почти закрыты другие стороны, которые связаны с космическим преображением. Что в раскрытии космической природы таинств раскрывается тайна Божьего творения, этого не предчувствует Хомяков, это чуждо его сознанию... Хомяков даже боялся подчеркивать объективно-космическую природу таинств, так как боялся того уклона к языческой магии, в котором всегда обвинял католичество. Но слишком большой протест против католичества легко ведет к протестантизму. Ему казалось православнее, вернее подчеркивать субъективно-духовную сторону таинств. Тут, быть может, сказалась недостаточная чуткость Хомякова к мистической стороне христианства. Космическая мистерия не стоит в центре хомяковского понимания христианства» (Бердяев Н. А. С. Хомяков. С. 110—111). Отец П. Флоренский ныне говорит то же самое в более схоластической форме. И я думаю, что в вопросе о таинствах он более прав, чем Хомяков.

с которыми связаны таинства Церкви. В этом отношении Вл. Соловьев был огромным шагом вперед по сравнению с Хомяковым. Мы же должны идти дальше и Хомякова, и Вл. Соловьева. Новое откровение должно быть исполнением обетований и пророчеств, и почин его может взять на себя лишь сам человек. Оно не придет извне. Его нельзя ждать, ибо ожидание рискует превратиться в плохую бесконечность. Отец П. Флоренский и ему подобные подавлены и раздавлены идеей святости. Всякий творческий и религиозный порыв пресекается требованием предварительного осуществления в личной жизни совершенного православия и святости. Такая настроенность очень характерна для религиозной усталости. Вся творческая жизнь Церкви в прошлом никогда не осуществлялась такими путями. Это — упадочное настроение, выражение религиозной немощи; оно обрекает на пассивную зависть к былым религиозным эпохам, к старой святости. Дерзновение творческого почина всегда было достижением большего религиозного совершенства. Образам пророчества принадлежит не меньшее место в религиозной жизни, чем образам святости. И мы должны бороться с упадочными и реставрационными течениями и настроениями во имя динамики жизни в Церкви. В этих современных течениях и настроениях нельзя не видеть отречение и измену пророческому духу русской литературы, русской мысли, русских религиозных исканий. Торжество отца П. Флоренского было бы крахом русской идеи, которую Россия призвана нести в мир. Отец Флоренский явно вступает на путь Великого Инквизитора. «Мы не с Тобой, а с *ним*, вот наша тайна!» Тайна эта и есть отрицание религиозной свободы. Священническая ряса и смиренно опущенные вниз взоры не спасут от разоблачения этой антихристианской тайны. Он в глубине сердца своего отрекся от тайны Христа: «Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за Тобой, прельщенный и плененный Тобой. Вместо твердого древнего закона — свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве Твой образ пред собою». И нужно признать большой заслугой отца П. Флоренского, что он ясно ставит перед русским религиозным сознанием выбор двух путей.

